

исследования. — М.: Изд.-во МГУ, — 1980. — С. 206-245.

57. Войшвилло Е. К. Попытка семантической интерпретации статистических понятий информации и энтропии // Кибернетику — на службу коммунизму. Теория информации. Вычислительная техника. Семиотика. — М. — Л.: Энергия, 1966. — 312 с. — С.275-293.

58. Войшвилло Е. К. Логическое следование и семантика обобщённых описаний состояний // Релевантные логики и теория следования. Материалы II Советско-финского colloquium по логике. — Москва, декабрь 3-7, 1979 г. — М.: Изд.-во Ин.-та филос. АН СССР, 1979. — С. 46-55.

59. Эшби У. Росс. Введение в кибернетику. — М.: Изд.-во иностр. Лит.-ры, 1959. — 432 с.

Халапсис Алексей Владиславович — доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философии и политологии Национальной металлургической академии Украины

УДК 130.3

ЗАПАД: КРАХ ИЛИ ВОЗРОЖДЕНИЕ?

Статья посвящена выявлению метафизических причин мировоззренческого кризиса современной западной цивилизации. Автор размышляет о возможной стратегии его преодоления и приходит к выводу, что для этого необходимо использование нестандартных методов, связанных с введением в аксиологическую сферу новых онтологических смыслов.

Ключевые слова: аксиология, цивилизация, глобализация, Запад, кризис, онтология, метафизика, история, футурология.

ЗАХІД: КРАХ ЧИ ВІДРОДЖЕННЯ?

Стаття присвячена виявленню метафізичних причин світоглядної кризи сучасної західної цивілізації. Автор розмірковує про можливу стратегію її подолання і приходять до висновку, що для цього необхідне використання нестандартних методів, пов'язаних з введенням в аксіологічну сферу нових онтологічних смислів.

Ключові слова: аксіологія, цивілізація, глобалізація, Захід, криза, онтологія, метафізика, історія, футурологія.

THE WEST: COLLAPSE OR REBIRTH?

Article is devoted to identifying the causes of metaphysical ideological crisis of modern Western civilization. The author reflects on the possible strategies for overcoming the crisis and concludes that this requires the use of non-standard methods, associated with the introduction of new ontological senses in the axiological sphere.

Keywords: axiology, civilization, globalization, the West, ontology, metaphysics, world history, futurology.

Актуальность. Актуальность мировоззренческой проблематики чрезвычайно высока ввиду происходящих ныне глобальных цивилизационных трансформаций, которые приведут либо к открытию принципиально новой главы всемирной истории, либо к завершению последней, по крайней мере, в привычном ее понимании. Исторический горизонт человека всегда был ограничен некоей более или менее локальной Ойкуменой, включающей в себя «его» мир как определенный пространственно-временной культурный континуум и мир его ближайших, в той или иной степени «не таких, как мы», соседей. Люди никогда ранее не жили в условиях глобальной коммуникации, означающей пространственную стянутость мира, сведение ранее почти не пересекавшихся культурно-исторических пространств в одно

измерение и даже приведение их к единому топосу. Такая цивилизационная ситуация возникла во многом благодаря деятельности западного духа, и он вынужден первым принимать на себя все возможные риски, связанные с собственным проектом. Какие испытания в связи с этим готовит западному человеку будущее и выдержит ли он эти испытания?

Степень разработанности темы. Тема кризиса западной цивилизации волновала многих социальных мыслителей. В той или иной степени ее затрагивали Н. Данилевский, К. Леонтьев, Ф. Ницше, О. Шпенглер, А. Дж. Тойнби, А. Вебер, П. Сорокин и другие. Современных философов она также не оставляет равнодушной. Назовем хотя бы таких известных авторов как А. Зиновьев, П. Бьюкенен, Ф. Фукуяма, Э. Тоффлер. Но происходящие поистине с калейдоскопичной скоростью изменения в духовной жизни западного общества (а именно с западным обществом не без основания идентифицирует себя современная Украина) заставляют вновь возвращаться к этой проблематике.

Целью данной работы является выявление метафизических причин мировоззренческого кризиса современной западной цивилизации и поиск стратегии его преодоления.

С помощью мировоззренческих кодов человек не только расширявает бытие, он и «перепрограммирует» его, при этом сам, что бы там ни говорили сторонники идеи неизменности человеческой природы, совершая некий выбор и создавая прежде-не-сущее, изменяется, о чем говорит хотя бы отнюдь нетривиальный факт того, что человечество до сих пор, несмотря на наличие технологических возможностей, себя не истребило (Подробнее см.: [5]). История все же чему-то учит, вопрос же заключается в том, какие именно из уроков истории будут усвоены и в какой форме. Человек в состоянии изменить не только свою жизнь, свою культуру, но, до известной степени, и протекание естественных процессов. Необходимо лишь, чтобы при этом он четко осознавал свои цели и предвидел последствия своих действий. Однако любой возможный здесь план, любой самый надежный алгоритм могут завести в глухой тупик (как завел человека в тупик чистый технократизм при всех своих впечатляющих материальных успехах) при недостаточном внимании к мировоззренческой составляющей. Поневоле вспоминается евангельское: «Ибо какая польза человеку, если он приобретет весь мир, а душе своей повредит?» [8, с.36].

Современное мышление стремится быть строго рациональным и считает себя вправе вывести религиозные вопросы за рамки обсуждающихся сегодня проблем культуры, подобно тому, как Лаплас вывел идею Бога за рамки своей космологической концепции. Исходный рационалистический тезис о тождестве бытия и мышления легитимизирует претензии разума на адекватность познания, позволяющего (поскольку «*scientia potentia est*») преобразовывать мир, причем, не только мир как внеположенную чуждую реальность, но также мир-как-культуру и, соответственно, мир-как-историю. Впрочем, будучи источником и фундаментом всякой возможной рационализации, сам этот тезис может быть рационально (насколько это вообще возможно) обоснован лишь в рамках религиозного мышления, ибо только религия может внятно указать на *причину* этого тождества. Но религия предполагает наличие у *человеческого* разума фундаментальных границ, существование принципиально неинтеллигибельной сферы, а стало быть – признает не-до-тождественность (или, скажу мягче, неполную тождественность) бытия и мышления (человеческого). Рационализм же, получивший свое «первое обоснование» от религии (в частности, от теологии), испытывает сильное искушение избавиться от «родительской» опеки, для чего использует постулат об автономии разума от веры, традиции, авторитета и т.д. В итоге, не будучи в состоянии себя обосновать, он вынужден провозглашать в качестве незыблемых истин собственные допуски, которые, принимаемые вначале *ad hoc*, постепенно становятся самостоятельными сущностями, за которые цепко держится разум, попадая, таким образом, в рабство к своим же схемам. Номинально оставаясь христианской, цивилизация Запада фактически становится *нигилистической*.

Такое положение дел является крайне неустойчивым, ибо нигилизм ни при каких

обстоятельствах не может быть конструктивным цивилизационным фактором. Нигилизм связан с девальвацией ценностей, а главной отличительной чертой современного нигилизма становится *ирония*, ставящая под удар не только традиционные ценности, но и квазиценностные конструкты, которые должны были бы прийти на смену традиции. Нет ни одной ценности, которая не была бы высмеяна современными нигилистами – наряду с традиционными, такими как религия, отечество, государство, народ, честь, совесть, любовь и т.д. – высмеяны и ценности, которыми их предполагалось заменить, такими как свобода, демократия, человеческое достоинство, права человека, гуманность и т.д. Последние, будучи жестко привязаны к политическим убеждениям, воспринимаются лишь как поддерживающие полезные правила «священные коровы», сами по себе не имеющие никакого внутреннего обоснования; этот двойственный статус и служит объектом насмешки, чему эти ценности воспрепятствовать не могут, ибо в себе они содержат возможность собственного отрицания. Критики свободы, гуманности и т.д. имеют полное право требовать соблюдения в отношении к себе критикуемых ценностей, которые не имеют «обратного действия», то есть, распространяются на всех, независимо от личностного принятия или неприятия (чем недобросовестные люди часто злоупотребляют).

Жизнеспособная аксиология невозможна без жизнеспособной метафизики. Ценности и идеалы приобретают подлинное звучание исключительно при соотнесении с трансцендентным бытием; без этого условия все они превращаются в пустые, ничего реально под собой не имеющие политико-идеологические клише, которыми рафинированные интеллектуалы пытаются прикрыть свое творческое бесплодие и навязать далеким от метафизических медитаций массам мораль, имеющую ничуть не бóльший (если даже не меньший) авторитет, чем пресловутый «Моральный кодекс строителя коммунизма». Если же связь с онтологическим уровнем ослабляется или совсем прекращается, не остается ничего другого, как создавать некие квазионтологии, формально сохраняющие структуру онтологий, но по содержанию представляющие собой конвенциональные конструкции, имеющие хождение в рамках более или менее замкнутой целевой аудитории, приобретающей характер субкультуры. Отличительной чертой этих квазионтологий есть то, что они не претендуют, да и не могут претендовать на установление бытийного статуса трансцендентного, подменяя последнее «посюсторонними» сущностями.

Например, журналы и сайты, посвященные обзорам и тестированию высокотехнологичных продуктов, пестрят заявлениями, что выбор между сохраняющими технологический паритет брендами есть исключительно «вопрос религии». В каждой шутке, как известно, только часть является собственно шуткой. «Религией» для безрелигиозного (хоть и необязательно атеистического) общества становятся бренд, партия, стиль, мода, увлечение и т. д. (ср. соответствующие субкультуры). Здесь происходит показательное смещение акцентов: мировоззрение уже не ждет для себя онтологического обоснования, но становится «онтологическим» обоснованием самого себя. Виртуальный образ, изначально явленный в своей виртуальности и условности, приобретает затем бытийную значимость, становясь псевдореальностью, подчиняющей себе жизнь личностей, групп и даже общества в целом. Фактическая значимость и ценность этого образа уже не имеет определяющего значения, подменяясь виртуальной значимостью и ценностью. Для какого-нибудь «ушедшего в on-line» индивидуума события «мира эльфов и орков» могут стать гораздо более значимыми, чем события собственно человеческого мира.

Это, конечно, крайние случаи, но в них лишь в наиболее явной форме просвечивают симптомы болезни всего утратившего свой онтологический стержень общества: если подвергнуты иронии и, в конце концов, отвергнуты онтологически ориентированные ценности, то любая сколь угодно случайная и произвольная идея может стать мировоззренческой ценностью, занимая освободившееся место. Впрочем, эта произвольная ценность не имеет универсального характера, ввиду того, что даже ее наиболее преданные адепты в глубине души осознают ее иллюзорность; в ней нет, стало быть, искренности и убежденности.

Из квазионтологий вырастают квазиаксиологические конструкции, которые уже не могут выступать в роли ценностных факторов, объединяющих человеческие массы в культурно-исторические сообщества. Последние распадаются на множество слабо связанных между собою, а то и прямо враждующих друг с другом субкультур. Ведь не только реальный мир влияет на виртуальный, но имеет место и обратное влияние. Место традиционной идентичности занимает идентичность виртуальная, предполагающая возможность произвольного выбора *любого* набора параметров, что ведет с одной стороны – к расширению ментальной топологии (умножение «лакун индивидуального сознания»), а с другой – к размыванию определенности «Я».

Значимость пространства для культурогенеза (субкультурогенеза) уменьшается и основную роль начинает играть время. Причем пространство «сворачивается» не только в территориальном и пространственном смыслах: границы в виртуальном пространстве исчезают, благодаря чему его «обитателям» порой проще общаться в реальном времени и понимать своих визави на другой стороне Земного шара, чем общаться и понимать оставшегося в off-line «соседа за стеной». В рамках одного топоса фактически сосуществуют разные хронопотоки, характеризующиеся различными скоростями прохождения времени, характером инновационности, представлениями о ценности времени и т.д. и т.п.

Деонтологизация культуры и вызванный ею духовный кризис оказались не в последнюю (если не в первую) очередь следствием гипертрофирования роли рационального начала в жизни человека и общества, на базе чего вырастает утопический проект тотальной рационализации бытия. Но проблема в том, что секуляризированному разуму не под силу справиться с кризисом цивилизации, поскольку ему не достает онтологической полноты и убежденности веры (Интересные размышления по этому поводу можно обнаружить у Ивана Ильина [3]; впрочем, его «христианский национализм» не представляется мне плодотворной и конструктивной идеей, вооружившись которой можно было бы найти выход из духовного кризиса современности). Вовсе небезосновательно Шпенглер утверждал: «Сущность всякой культуры – религия; следовательно, сущность всякой цивилизации – иррелигиозность» [13, с.546]. Напомню, что под цивилизацией он понимал «мумию культуры».

Современное мышление считает себя достаточно компетентным для «управления бытием». Ф. А. фон Хайек в своей не потерявшей актуальность и поныне работе отмечал: «Отказываясь покоряться силам, которых мы не понимаем и в которых не усматриваем чьих-то сознательных действий или намерений, мы впадаем в ошибку, свойственную непоследовательному рационализму. Он непоследователен, ибо упускает из виду, что в сложном по своей структуре обществе для координации многообразных индивидуальных устремлений необходимо принимать в расчет факты, недоступные никакому отдельному человеку» [9, с.198]. Хотя Хайек имел в виду преимущественно экономические факторы, его замечания могут быть использованы и для более широкого обобщения. Отвергнув все не способствующие «рациональной организации бытия» формы и сосредоточившись исключительно на практических приемах изменения мира, западный человек должен был бы получить «мир своей мечты». Что же «сломалось» в этом рациональном механизме? Возможно, не следует спешить отвергать все, не укладывающееся в рациональные схемы, особенно то, что «работает», даже если принцип работы не вполне понятен. Тот же Хайек заметил, что «мы готовы принять любое объяснение кризиса, переживаемого нашей цивилизацией, но не можем допустить мысли, что этот кризис является следствием принципиальной ошибки, допущенной нами самими, что стремление к некоторым дорогим для нас идеалам приводит совсем не к тем результатам, на которые мы рассчитывали» [9, с.38-39].

Духовную жизнь современного западного общества подтачивает болезнь, имя которой – *нигилизм*, причем болезнь эта, захватившая почти все «тело» западной цивилизации, диагностируется лишь в исключительных случаях. Современный нигилизм уже редко выражается в антисоциальных действиях или подчеркнутом неконформизме. Он стал вполне респектабельным и настолько врос в мировоззрение современного западного

человека, что его почти никто не идентифицирует в его собственной сущности. Сегодня уже противная нигилизму позиция рассматривается «широкой публикой» как нонконформизм и чудачество. Вольфганг Краус отмечает, что «... на протяжении последних десятилетий (это было написано в 1983 г. – А. Х.) нигилизм уже не воспринимают как таковой, поскольку он едва ли выделяется из всего остального... Если на многие тревожные явления нашего времени посмотреть под определенным углом зрения, становится очевидной их закономерность. Не в нигилизме ли берут начало именно те силы и течения, которые представляют для нас наибольшую угрозу сейчас и в будущем?» [6, с.7]. Но необходимо четко понимать, что нигилизм есть не причина кризиса, а его симптом. Тот же Краус замечает: «Жизнеспособные культуры крайне редко поддаются нигилизму: препятствием ему становится самоочевидность культурных ценностей» [6, с.93]. Фактическое отсутствие этой самоочевидности, сознательное разрушение святынь, идеалов, даже обычных норм приличия и правил поведения – это все вполне *естественные* следствия материалистического мировоззрения. «Нигилизм, как правило, появляется прежде всего тогда, когда приходят в упадок или исчезают религии. Когда нет наивысшей ценности, другие ценности неизбежно оказываются под угрозой, даже если они окончательно и не исчезают» [6, с.15].

Не только сон разума порождает чудовищ; культ разума имеет те же следствия. Тем, кто заботится о максимальной рационализации культуры, следует напомнить, что самыми рациональными проектами культуры в XX веке были – коммунизм и национал-социализм. Результаты их реализации вряд ли следует считать удовлетворительными. Более того, никогда еще в истории не удавалось создать культуру (и на ее основе – цивилизацию) только на рациональных принципах (пожалуй, только за исключением «выпавшего» из времени и истории конфуцианского Китая), поэтому было бы весьма наивно полагать, что это удастся сделать при помощи либерализма и им подготовленных «инженеров человеческих душ». Я вовсе не пытаюсь высмеять или унизить либеральную идеологию (как политическая идеология либерализм – пожалуй, одна из самых гуманных и достойных доктрин, изобретенных человечеством), но лишь хочу сказать, что для конституирования культуры, для выхода из кризиса цивилизации ни одна рациональная идеология не является «достаточным основанием».

Мишель Фуко заметил, что «... современное мышление никогда не было способно предложить какую-нибудь мораль, однако причина этого не в том, что она является чистой спекуляцией, скорее, наоборот – с самого начала, во всей своей толще она является прежде всего определенным способом действия. Пусть кто хочет разглагольствует, побуждая мысль выйти из своего убежища и объявить свой выбор; пусть кто хочет пытается построить мораль без обетования и без добродетели. Для современного мышления мораль невозможна, поскольку с XIX века мысль уже «вышла» за пределы себя самой в своем собственном бытии, она уже не является более только теорией; когда она мыслит, она ранит или примиряет, сближает или разделяет, она разрывает, расчленяет, она соединяет и воссоединяет, она уже не может не освобождать и не порабощать. Прежде чем предписывать и предназначать будущее, прежде чем предрекать, что следует делать, прежде чем призывать или просто настораживать, мысль и само ее существование, начиная от самых ранних форм, является уже действием, и действием опасным» [10, с.349].

Жизнь современного Запада проходит под знаком техники. В этом его сила, но в этом же и его слабость. Часто именно в технике видят причины ухода от изначальности культуры. На наш взгляд, дело здесь в другом. Не потому Homo Occidentalis оказался в мировоззренческом тупике, что плох путь технического развития, по которому он, начиная с Нового времени, шел, а потому, что этот путь фактически стал безальтернативным, а как следствие – произошла редукция культурных ценностей. Проблема не в технике, а в технократическом идеале организации бытия, создающего иллюзию того, что все проблемы человечества могут быть разрешены исключительно техническими методами. Последние нельзя недооценивать, но и переоценивать их не стоит. Мне представляется, что одной из ключевых задач современности есть необходимость нахождения конструктивного синтеза

между рациональным и иррациональным, знанием и верой, техникой и культурой, прагматическим взглядом на мир и альтруистическими идеалами и т. д. и т. п.; для решения этой задачи следует объединить усилия науки (представляющей рациональное, по преимуществу, начало), теологии (репрезентирующей сверхрациональное начало) и философии (вбирающей в себя элементы того и другого начал). Без такого синтеза человечество не выйдет из тех мировоззренческих тупиков, в которых в той или иной форме и степени, оказались все культурно-исторические общности (цивилизации), которые его представляют в глобализирующемся мире.

Осуществить его на практике будет очень непросто, ибо ученый, теолог и философ не только по-разному видят истину, но по-разному воспринимают саму идею синтеза. Представление о многомерном характере истины для многих все еще слишком экзотично, для иных – абстрактно, поэтому необходимость синтеза далеко не всем кажется очевидной. У науки и теологии очень мало точек соприкосновения ввиду того, что в их рамках реализуются совершенно разные стили мышления и представления о ценности конечного результата. Идея синтеза ближе всего философии, поскольку она всегда занимала между наукой и теологией промежуточную позицию (об этом, в частности, писал Б. Рассел, называя философию лежащей между теологией и наукой «Ничейной Землей» [7, с.5-6]). Впрочем, и философия самостоятельно осуществить его не сможет, поскольку такой синтез – имеющее характер дополнительности *общее дело* философии, науки и религии; в противном же случае вместо живого синтеза получится либо пустая декларация, либо наукообразная псевдорелигия, либо оккультная химера. Примеры *такого рода* «синтеза», к сожалению, весьма многочисленны.

Вывод. Полагаю, что решить сложнейшие проблемы, с которыми столкнулась цивилизация Запада, а через нее (поскольку через формы глобализации она распространяет свое влияние далеко за собственные пределы) – весь мир, и прийти к искомому синтезу *на основе ныне существующих парадигм и моделей* невозможно. Немногочисленные в этом направлении предпринимаемые меры помогают хоть как-то поддерживать жизнеспособность социокультурной системы, но не предлагают внятной и серьезной стратегии развития, поскольку сами они, по большому счету, имеют характер запаздывающей реакции на свершившиеся факты. Чтобы стратегия была эффективной, она должна иметь под собой надежный онтологический фундамент, который связал бы воедино сущее и должное; не имея под собой такового фундамента, существующие стратегии оказываются либо беспочвенным прожектерством, либо терапевтическими средствами, с помощью которых невозможно поддерживать жизнеспособность сколь угодно долго. Время, ставшее главным фактором развития, играет против Запада, который, если соответствующая онтология не будет создана (каким образом – это уже другой вопрос) в ближайшие десятилетия, попросту исчезнет с горизонта всемирной истории, подтвердив тем самым мрачные прогнозы мыслителей шпенглеровской закалки, причем это исчезновение будет иметь совершенно непредсказуемые последствия для всего человечества.

Нет простых и строго рациональных путей выхода из мировоззренческого кризиса (в моей статье затронуты лишь некоторые его аспекты), с которым столкнулся современный Запад. Глубинные причины кризиса лежат в метафизической плоскости и для определения возможных путей выхода из него следует искать метафизические же инструменты, разработкой которых должны взять на себя совместно философия, наука и теология. Ситуация сложная, но не безнадежная. Убежден, что при наличии соответствующей воли можно разрешить любую, даже такую сложную проблему. Этим обстоятельством и определяются перспективы дальнейших поисков в этом направлении.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Бьюкенен П. Смерть Запада: Пер. с англ. — М.: АСТ, 2003.
2. Данилевский Н. Я. Россия и Европа. — М.: Книга, 1991.
3. Ильин И. Основы христианской культуры. — СПб.: Шпиль, 2004.

4. Леонтьев К. Восток, Россия и Славянство: Философская и политическая публицистика. Духовная проза (1872-1891) / Общ. ред., сост. и коммент. Г. Б. Кремнева. — М.: Республика, 1996.
5. Назаретян А. П. Цивилизационные кризисы в контексте Универсальной истории: Синергетика, психология и футурология. — М.: ПЕР СЭ, 2001.
6. Краус В. Нігілізм сьогодні, або Терплячість світової історії: Пер. з нім. — К.: Основи, 1994
7. Рассел Б. Історія західної філософії: Пер. з англ. — К.: Основи, 1995.
8. Тойнби А. Дж. Постижение истории: Пер. с англ. — М.: Прогресс, 1991.
9. Хайек Ф. А., фон. Дорога к рабству: Пер. с англ. — М.: Новое издательство, 2005.
10. Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук: Пер. с фр. — СПб.: А-сэд, 1994.
11. Фукуяма Ф. Конец истории? // Вопросы философии. — 1990. — № 3.
12. Фукуяма Ф. Наше постчеловеческое будущее: Последствия биотехнологической революции: Пер. с англ. — М.: АСТ, ЛЮКС, 2004.
13. Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории: Пер. с нем. — М.: Мысль, 1993. — Т. 1. Гештальт и действительность.

Цибра Микола Федорович — доктор філософських наук, професор кафедри філософії та соціології Державного закладу «Південноукраїнський національний педагогічний університет імені К. Д. Ушинського»

УДК 300.54 +130.2 + 124.4

ОСОБИСТІСТЬ У СУЧАСНОМУ ВИМІРІ

В статті підкреслюється специфічна вага проблем історичного часу, що є суб'єктивною епохою людського буття, порою діяльності особистості, складовою історичних подій, детермінантою творчої сутності у формуванні «нового часу і нового мислення».

Ключові слова: рефлексія, особистість, час, історичний час, соціальний час.

ЛИЧНОСТЬ В СОВРЕМЕННОМ ИЗМЕРЕНИИ

В статье подчеркивается особый вес проблем исторического времени, что является непосредственным отрезком существования человеческого бытия, временем человеческой деятельности, составляющей исторические события, детерминантой творческой сущности в формировании «нового времени и нового мышления».

Ключевые слова: рефлексия, личность, время, историческое время, социальное время.

PERSONALITY IN MODERN MEASUREMENTS

It is underlined in article, that now the special weight the problem of historical time, that is direct time of human life, time of human activity, constituent of historical events, acquires, determination of creative activity and forming of the «newthinking».

Keywords: reflection, man, time, historical time, social time.

Квестія людського існування, сутності завдань, еволюційних перспектив, можливостей, призначення є найактуальнішими темами кращих мислителів всіх цивілізаційних часів, рівно так як і сьогодні. Проблеми особистості накопичуються разом з історичними подіями, (як прогресивними, так і регресивними, або стагнаційними періодами) нівелюються